

XII, 49543/102

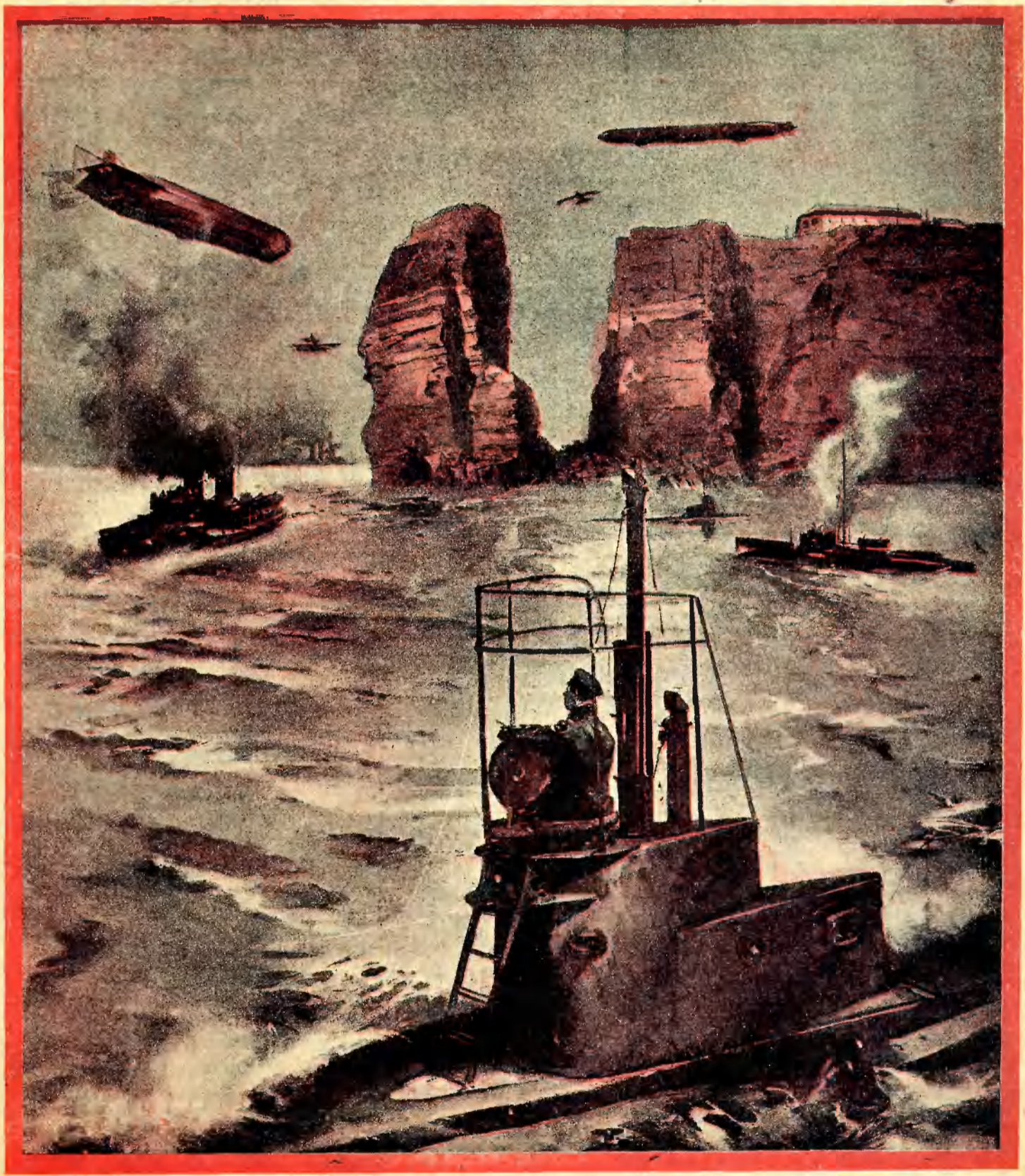
1-я экз.

№ 51.
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.
1915 г.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 К.
ПЕТРОГРАДЪ.
АВГУСТЪ

Подводные и воздушные пираты у острова Гельгоганда. Германскіе дирижабли и подводныя лодки въ ожиданіи добычи—мирныхъ судовъ.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 . 1/2 года 2 „ — „
 . 1 мѣс. — 30 „
 Перем. адреса 25 к.
 Неприятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Тарифъ объявленій:

За строку непара-
 рели въ 1 стол-
 бецъ:

(1/4 шир. стран.)

впер. текста . 90 к.
 позади „ . 60 „

Постоянные заказы по
 соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 51 — 1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. = Августъ. =

ИЗЪ ЛЮБВИ КЪ НЕЙ.

(Разсказъ изъ американской междоусобной войны).

Во время американской междоусобной войны, т. е. въ 1863 году, командовалъ я пѣхотнымъ полкомъ, сформированнымъ въ штатѣ Огею.

Послѣ долгаго бездѣйствія, отправились мы въ началѣ лѣта присоединять къ Союзу штатъ Теннесси, и намъ удалось, рядомъ тактическихъ маневровъ, оттѣснить болѣе слабую непріятельскую армію до Чаттаногоа. Наконецъ, здѣсь непріятель остановился, прикрывшись съ фронта рѣкою Теннесси.

КОННИЦА НАПОЛЕОНА.

Конный егеръ гвардіи изъ свиты императора (1806 г.).

Въ дивизіи, которая шла въ авангардъ нашей арміи, находился и мой полкъ, одинъ изъ первыхъ, переправившійся черезъ Теннесси.

Было весьма важно, чтобы непріятель заблаговременно не зналъ о нашемъ движеніи, и поэтому мы старались, какъ можно скорѣе обогнуть лагерь федералистовъ, которые ожидали нашего нападенія съ совершенно другой стороны.

Къ вечеру мы закончили форсированный переходъ, и мои люди тотчасъ же расположились на ночлегъ, потому что съ разсвѣтомъ намъ слѣдовало выступить далѣе. Ночь была теплая и звѣздная. Около 11 часовъ я еще разъ обонелъ выставленные моимъ полкомъ форпосты.

По дорогѣ встрѣтилъ я капитана Фалька, который вышелъ тоже для проверкѣ часовыхъ. Онъ поступилъ къ намъ въ полкъ поручикомъ и оказался такимъ способнымъ, что я съ охотою способствовалъ его быстрому новышенію.

Мы шли съ Фалькомъ, молча.

Вдругъ послышался довольно громкій разговоръ на форпостахъ. Мы поспѣшили туда, чтобы прекратить шумъ. Оказалось, что тамъ задержали како-то чело-вѣка. Человѣкъ этотъ утверждалъ, что онъ мирный землевладѣлецъ, что у него были дѣла въ Бриджпортѣ, и что онъ пробырался полями на свою ферму въ Локоутъ-Крикъ.

— Такъ и есть, вдругъ проговорилъ Фалькъ, — мнѣ сразу показалось, что я слышу его голосъ! — Хоршъ фермеръ въ Локоутъ-Крикъ!

И онъ приказалъ часовому скрутить покрѣпче пойманному руки.

— Я не понимаю, — обратился тотъ ко мнѣ, — чего нужно отъ меня этому чело-вѣку, полковникъ. Я его не знаю, въ жизнь мою не видѣлъ. Во всякомъ случаѣ, вы должны оградить меня отъ его произвола...

Фалькъ самъ посмотрѣлъ, крѣпки-ли веревки, которыми скрутили задержанному руки.

Какъ только мы отошли, я официальнымъ тономъ спросилъ у Фалька, кто этотъ Джемсъ Дугласъ, и от-куда онъ его знаетъ.

Строго по-военному Фалькъ отвѣтилъ:

— Я имѣю основаніе предполагать, что Джемсъ Дугласъ изъ Ралеяга въ Южной Каролинѣ служитъ офи-церомъ въ арміи федералистовъ.

— Какія у васъ личныя отношенія къ нему? — продолжалъ я, но уже дружески.

— Это длинная и грустная исторія, — возразилъ онъ, подумавъ. — Она нисколько не относится къ дѣлу.

Но все-таки, несмотря на это, онъ разсказалъ мнѣ свою «длинную» исторію...

* * *

Съ двѣнадцати лѣтъ, — разсказывалъ онъ, — отправлялся я тайкомъ на охоту и оставался въ преріи, пока было чѣмъ стрѣлять. Ничто не могло удержать меня дома. Я всегда умѣлъ добыть ружье и снаряды; старые охотники съ удовольствіемъ доставляли молодому все, что ему было нужно.

Мнѣ едва исполнилось пятнадцать лѣтъ, когда въ деревянный домикъ, рядомъ съ нашимъ, перѣехало семейство Фостеръ — мужъ, жена и дочь. Фостеръ былъ родомъ изъ Бостона, но молодымъ человѣкомъ переселился въ Чарльстонъ и тамъ женился. Уже тогда на югѣ не долюбливали сѣверянъ, хотя терпѣли ихъ. Современемъ на сѣверянъ стали глядѣть вовсе ужъ какъ на чужестранцевъ, сующихся не въ свои дѣла; за ними слѣдили, какъ за эмиссарами партіи аболіціонистовъ, цѣлью которой было уничтоженіе рабства. Собственно, агитаторскій кружокъ этой партіи былъ въ Бостонѣ. Фостеръ былъ тамошнимъ уроженцемъ, и на него пало подозрѣніе, что онъ тайный противникъ рабства. Покупатели одинъ за другимъ его бросили, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ былъ вынужденъ перебраться на сѣверъ, чтобы не умереть съ голоду съ женою и дочерью, и явился въ Дейтонъ, гдѣ мы жили.

Дочь у него была моихъ лѣтъ, но такая прелесть, что въ жизни еще не видѣлъ я болѣе очаровательнаго существа. Звали ее Мерритъ. Когда насъ познакомили, и она протянула мнѣ руку, я едва осмѣлился прикоснуться къ ней, такъ она была мила и нѣжна. «Вы должны быть добрыми друзьями, это наша сосѣдка», сказала матушка, ободряя меня. Но я съ трудомъ могъ выговорить слово. Робко забившись въ уголь, я жадно прислушивался къ тому, что скажетъ Мерритъ.

Въ этомъ состояніи благоговѣйнаго восхищенія оставался я до тѣхъ поръ, пока Мерритъ не ушла, очень мило кивнувъ мнѣ у дверей. Тогда у меня развязался языкъ.

Во мнѣ загорѣлось желаніе завоевать сокровища все о міра и сложить ихъ къ ногамъ Мерритъ. На слѣдующее утро я вмѣсто уроковъ убѣжалъ въ поле, настрѣлялъ подюжины куропатокъ и поднесъ ихъ Мерритъ. Она поняла мое желаніе выразить ей преданность и поблагодарила за этотъ, весьма подходящій для хозяйства подарокъ; все же она спросила у меня, неужели убивать доставляетъ мнѣ удовольствіе.

Этотъ вопросъ, значеніе котораго я не сразу понималъ, послужилъ исходнымъ пунктомъ новыхъ для меня размышленій. Мало-по-малу я сталъ во всемъ сообразоваться съ ея взглядами. Она замѣтила это и занялась тѣмъ, чтобы приохотить меня къ серьезнымъ занятіямъ.

Вліяніе на меня Мерритъ росло. Мое стараніе примѣниться къ ней умиляло ее и заслужило ея благосклонность ко мнѣ. Ея привязанность становилась все болѣе открытой и болѣе сильной. Мистриссъ Фостеръ позволяла Мерритъ, хотя, правда, не безъ ворчанія, посѣщать насъ. Ежедневно Мерритъ бывала въ нашемъ домѣ. Въ сердцѣ моей матери росла любовь къ ней, какъ къ дочери.

Это было счастливое, незабвенное время. Наступила для меня пора, наконецъ, избрать себѣ занятіе. Я уже больше не думалъ отправляться въ пустыню съ ружьемъ за плечами; меня тянуло въ большіе восточные города. Отецъ выхлопоталъ мнѣ мѣсто въ Нью-Йоркѣ,

КОННИЦА НАПОЛЕОНА.

7-й кирасирскій полкъ (1807 г.).

и я отправился туда, полный розовыхъ надеждъ, какъ и подобаетъ шестнадцатилѣтнему юношѣ.

Мое прощаніе съ Мерритъ было коротко и сердечно, но не было ни явныхъ, ни мужественно скрытыхъ слезъ. Мы настолько не были еще близки.

Мы переписывались. Въ письмахъ, какъ братъ съ сестрой, разсказывали мы другъ другу о томъ, чѣмъ мы занимались, и что дѣлалось вокругъ насъ.

Что касается моей матушки, то не было письма отъ нея, въ которомъ бы она не хвалила эту дѣвушку. Иногда она писала, что Мерритъ дѣлается все красивѣе. Я зналъ лучше другихъ красоту Мерритъ. Красивѣе ея я не видѣлъ никого ни въ Нью-Йоркѣ, ни въ Европѣ, куда я ѣздилъ на пятомъ году моего отсутствія изъ дому, по торговымъ дѣламъ фирмы, въ которой я служилъ.

Тамъ, въ Манчестерѣ, получилъ я извѣстіе о внезапной смерти моего отца. Лишь черезъ шесть недѣль я могъ пріѣхать въ Дейтонъ. Дѣло моего отца процвѣтало, насколько это было возможно. Матушка хотѣла, чтобы я продолжалъ его. «Ты замѣнишь отца», сказала она, — «Томъ. Теперь мы будемъ вмѣстѣ». — Но я попросилъ отсрочки на размысленіе. По-моему, рѣшеніе моей участи болѣе зависѣло отъ Мерритъ, чѣмъ отъ желаній моей матери.

Я снова увидѣлся съ Мерритъ, которая теперь для меня сдѣлалась миссъ Фостеръ. Но при личномъ свиданіи у насъ не нашлось залушевнаго тона нашихъ писемъ. Что-то неудовимое стало между нами, значеніе котораго я не могъ понять. Я скоро это почувствовалъ, но рѣшилъ подождать объясненія. Я снова сошелся съ

КОННИЦА НАПОЛЕОНА.

Конные стрѣлки на развѣдкѣ въ лѣсу (1809 г.).

нѣкоторыми школьными товарищами, и изъ ихъ разсказовъ Мерритъ представилась мнѣ въ совершенно неожиданномъ видѣ.

Мерритъ настолько выдавалась, что у нея не могло не быть поклонниковъ изъ среды дейтонской молодежи. Дѣйствительно, уже нашлись многіе зажиточные люди, которые искали ея руки, но всѣмъ имъ она отказывала. Говорили, что мистриссъ Эленъ Фостеръ, мать Мерритъ, противъ брака ея дочери съ кѣмъ-либо изъ сѣверянъ. Этотъ слухъ весьма быстро распространился. И Мерритъ, какъ ни независимо она себя держала, въ этомъ отношеніи не противорѣчила своей матери.

Тутъ только я вспомнилъ, что мистриссъ Фостеръ, какъ только я посѣтилъ ее послѣ пріѣзда, приняла меня, вопреки ея прежней манерѣ, весьма неблагооклонно, почти грубо. Тогда я не придавалъ этому никакого значенія, такъ какъ капризы мистриссъ Фостеръ сдѣлались притчею у сосѣдей; но теперь мнѣ стало ясно, что она боялась опаснаго врага, такъ какъ она могла ожидать, что моя старая дружба съ Мерритъ перейдетъ въ болѣе нѣжное чувство.

Но мнѣ это казалось не важнымъ, потому что, по моему, не она должна была сказать послѣднее слово, а Мерритъ. Мнѣ следовало обратиться къ Мерритъ, что я и сдѣлалъ немедленно.

Она отвѣтила мнѣ, что она сама давно думала о нашемъ бракѣ. «Но», пояснила она, «если бы вы родились на плантаціяхъ хлопчатника или сахарнаго трост-

ника, тогда г. Фалькъ, я совершенно просто вложила бы свою руку въ вашу и сказала: Согласна, Томъ; когда свадьба?» Но такъ какъ, къ сожалѣнію, вы увидѣли свѣтъ на двѣсти миль сѣвернѣе, то, видите ли Томъ, изъ этого ничего не выйдетъ».

Въ изумленіи покачалъ я головою.

— Таковъ вашъ отвѣтъ мнѣ? спросилъ я укоризненно.

— Вы, должно быть, думаете, что я шучу? возразила она.—Я говорю совершенно серьезно. Этотъ разговоръ я предвидѣла съ той минуты, какъ узнала о вашемъ пріѣздѣ сюда. У меня было довольно времени къ нему приготовиться.

Въ сердцахъ на Мерритъ, пришелъ я къ матушкѣ и объявилъ, что завтра утромъ долженъ оставить Дейтонъ и навсегда.

Прошло нѣсколько дней. Я сидѣлъ въ сумерки одинъ; вдругъ въ комнатѣ отворилась дверь, и кто-то тихо вошелъ.

— Томъ! удивительно мягко и нѣжно прозвучало мое имя.

Я поднялъ голову и ждалъ, что будетъ.

Мерритъ подошла ко мнѣ.

— А если я одумалась, Томъ? сказала она.

Кажется, я вскочилъ съ такимъ крикомъ, которому позавидовалъ бы любой предводитель индѣйцевъ.

Мерритъ протянула ко мнѣ руки...

Переимѣна рѣшенія Мерритъ была дѣломъ моей матушки.

Г. Фостеръ, несмотря на бурю, вынесенную имъ дома, сердечно привѣтствовалъ меня, какъ будущаго зятя. Даже мистриссъ Фостеръ, представилась покорившейся неизбежному. Хотя она была холодна со мною, но все-таки она разрѣшала мнѣ, какъ нареченному жениху Мерритъ, бывать у нихъ въ домѣ. Иногда она, забывъ о своемъ неудовольствіи, разсказывала намъ о своихъ родныхъ на Югѣ, — аристократахъ, которые никогда не унижаютъ себя черной работой. Среди этихъ родственниковъ было семейство Дугласъ, которое принадлежало къ выдающимся фамиліямъ въ странѣ. По ея словамъ, они жили, какъ князья. Она хвастала, чтобы поразить меня. Я, занимавшійся торговлей, въ ея глазахъ былъ ничтожествомъ. Четыре недѣли спустя, я узналъ, что Джемсъ, младшій сынъ Дугласовъ, въ своей увеселительной поѣздкѣ по Сѣверу, намѣренъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ и маленькій Дейтонъ. Мистриссъ Фостеръ сейчасъ же поставила весь домъ вверхъ дномъ и начала такія приготовления, словно для встрѣчи персидскаго шаха.

Онъ пріѣхалъ черезъ недѣлю. Мнѣ онъ сразу не понравился. Джемсъ Дугласъ обладалъ въ высшей степени искусствомъ быть неприятнымъ, хотя держался довольно просто. Онъ не высказывалъ ни гордости, ни надменности, примѣнялся къ нашей жизни. Онъ провелъ годъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, гдѣ вращался въ лучшемъ обществѣ, и разсказывалъ о множествѣ вещей, совершенно неизвѣстныхъ трудящемуся народу американскаго провинціального городка. Въ изумительно короткое время онъ перезнакомился и сдружился со всѣми молодыми людьми въ мѣстечкѣ, которые заказывали себѣ платье въ Цинциннати, курили гаванскія сигары и ежедневно въ лучшихъ ресторанахъ Дейтона занимались игрою въ кости. Наше солидное дейтонское общество сразу бросилось въ водоворотъ удовольствій. То устраивалась поѣздка въ экипажахъ, то катанье на лод-

какъ, то прогулка лунною ночью и чего только не было. Занимательнѣе всѣхъ этихъ затѣй былъ именно Джемсъ Дугласъ. Онъ игралъ на фортепиано, скрипкѣ, и гитарѣ, пѣлъ нѣжными теноромъ модные чувствительные романсы, разыгрывалъ комическія сцены съ искусствомъ опытнаго актера, кружилъ молодыхъ дамъ въ вальсѣ, который танцевалъ, какъ балетмейстеръ.

У меня не было ни времени, ни охоты участвовать въ карнавалѣ, который справлялъ Дейтонъ. Мистриссъ Фостеръ и Мерриттъ постоянно были тамъ, гдѣ Джемсъ Дугласъ затѣвалъ удовольствія. Первая, видимо, отогрѣлась лучами солнца въ раю своего родственника и помодобля настолько, что, наконецъ, я нашелъ въ ней сходство съ Мерриттъ, чѣмъ она осталась очень довольна. И Мерриттъ не могла устоять. Мы видѣлись лишь изрѣдка. Однажды все-таки я уличилъ минуту спросилъ ее, не наскучили ли ей кузень. Я ожидалъ отвѣта: «конечно, наскучили!» Но Мерриттъ сказала: «Джемсъ принадлежитъ къ совершенно иному кругу, чѣмъ мы; о немъ нельзя судить по намъ».

Я не спалъ цѣлую ночь. Когда я на другой день вышелъ изъ своей комнаты, матушка меня встрѣтила словами: — «Фостеръ еще рано уѣхалъ съ парижскою куклою. И сундуки были въ экипажѣ, Томъ».

Я выѣжалъ, и безъ шапки полетѣлъ въ сосѣдскій домъ. Мнѣ вышла навстрѣчу Пенелопя, старая негритянка.

— Гдѣ ваши господа, спросилъ я?

— Въ Цинциннати.

— Надолго?

— Не знаю.

— Г. Дугласъ вернется?

— Не знаю.

Старая вѣдьма лгала, я это видѣлъ. Она была наперсницей мистриссъ Фостеръ. Ея лганье мнѣ показалось очень подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что это доставляло ей видимое удовольствіе.

Черезъ три дня вернулся г. Фостеръ. Матушка рассказывала мнѣ, что онъ, какъ человѣкъ съ нечистою совѣстью, прокрался въ свой домъ. Лишь на слѣдующій день онъ собрался съ духомъ послѣтить меня, и то въ конторѣ.

Онъ оставилъ на конторкѣ открытое письмо. Оно было написано Мерриттъ вечеромъ, наканунѣ ея отъѣзда. Она разставалась со мною. Она полагала, что мы можемъ остаться друзьями. Она ошиблась въ своемъ чувствѣ ко мнѣ. Лишь теперь впервые она научилась понимать любовь. Она твердо убѣждена, что и я согласусь въ томъ, что я ошибался такъ же, какъ она.

Въ тотъ же день я узналъ, что они въ Цинциннати получили разрѣшеніе на бракъ, обзѣнчались и теперь были на пути въ имѣніе Дугласовъ на солнечномъ Югѣ. Неслыханное происшествіе взволновало весь Дейтонъ. Мои друзья были готовы повѣсить Джемса Дугласа по закону Линча, если бы онъ попался имъ въ руки. И справедливо. Джемсъ уважаетъ права другаго, съ не ловитъ рыбу въ чужомъ пруду, онъ не соблазняетъ невесту своего ближняго.

Съ той поры я питаю такую ненависть къ этому человѣку, что самъ, собственноручно не задумаюсь повѣсить его. Я не ожидалъ когда-нибудь съ нимъ встрѣтиться. Только во время войны мнѣ иногда приходили мысли, что когда-нибудь въ слякѣ мнѣ попадется на

глаза лицо, неизгладимо замечательное въ памяти. И тогда я невольно хватался за оружіе и оглядывалъ револьверъ...

Такъ лучше, какъ оно случилось. Джемсъ Дугласъ не отъ моей руки падетъ. Но завтра, когда надъ нимъ, какъ надъ провинкомъ, будетъ произнесена смертная приговоръ,—я бы могъ съ наслажденіемъ скомандовать «пли!»

Фалькъ окончилъ рассказъ.

Мы медленно направились въ лагерь.

Передъ палаткой ожидалъ меня ординарецъ, который передалъ мнѣ бумажникъ и кое-какія бумаги, найденныя у задержаннаго.

Я позвалъ Фальку въ палатку.

Въ бумажникѣ Дугласа оказались записки самаго невиннаго характера, какія могъ дѣлать трудолюбивый, порядочный фермеръ. Нашлись также нѣкоторые заказы, карточки сосѣдскихъ торговцевъ, — больше ничего.

Я передалъ бумажникъ Фальку.

— Поищите сами. Забъсь нѣтъ ничего важнаго.

— Грубый обманъ!—сказалъ Фалькъ небрежно.— Развѣ вы не видите, что этотъ бумажникъ именно служилъ для того, чтобы замаскировать переодѣваніе? Ни одинъ настоящій фермеръ не сдѣлаетъ такъ безпорядочно расчеты, какъ забъсь.

— Даже если и такъ, возразилъ я,—это обстоятельство имѣетъ значеніе, но на основаніи его нельзя обвинить.

Фалькъ разсматривалъ бумажникъ со всѣхъ сторонъ. Вдругъ онъ привскочилъ съ мѣста. Въ карандашной ручкѣ, за карандашемъ, онъ открылъ бумажный свертокъ.

КОННИЦА НАПОЛЕОНА.

Драгуль.

КОННИЦА НАПОЛЕОНА.

Драгунский полк (1805 г.).

— Что так запрятано, то должно быть важно, сказал он с торжеством.

В самом дѣлѣ, на маленькомъ доскуткѣ было удостоверение въ сжатой формѣ, что предьявитель его, Джемсъ Дугласъ, состоитъ майоромъ въ штабѣ генерала Брагга, главнокомандующаго стоящей противъ насъ арміи федералистовъ.

Этой записки было достаточно.

Остальныя бумаги не имѣли значенія. Пакетъ, который я взялъ послѣднимъ, повидимому, содержалъ въ себѣ фотографическую карточку. Вспомнивъ о Мерритъ, я передалъ пакетъ Фальку.

Онъ вынулъ карточку и поднесъ ее къ свѣту. При первомъ взглядѣ онъ вздрогнулъ, и рука его затряслась.

— Боже мой! Уже двое дѣтей! воскликнулъ онъ.

Я заглянулъ черезъ его плечо. Мистрисъ Мерритъ Дугласъ была очень красивая женщина и имѣла прелестныхъ дѣтей: темноглазаго мальчика и дѣвочку, которая на карточкѣ съ застѣнчивою нѣжностью прижималась кудрявою головкою къ матери.

Наконецъ, Фалькъ съ глубокимъ вздохомъ положилъ карточку. Не глядя, подаль онъ мнѣ руку и, пожелавъ покойной ночи, вышелъ изъ палатки.

Потушивъ огонь, я легъ спать. Усталость скоро взяла верхъ, и я погрузился въ глубокий сонъ. Едва я успѣлъ отдохнуть, какъ меня разбудилъ денщикъ. Оказалось, что Фалькъ уже цѣлый часъ дожидается у палатки.

— Что съ вами, Фалькъ? Что случилось?— воскликнулъ я, когда онъ вошелъ ко мнѣ, до того лицо его измѣнилось, и весь онъ былъ какой-то странный.

Фалькъ отвѣтилъ мрачно:

— Я прошу, чтобы вы выслушали меня, какъ другъ.

Подозрѣніе мелькнуло у меня.

— Говорите—живѣе!—крикнулъ я.—Ради Бога, что вы сдѣлали?

— Можетъ быть то, за что мнѣ придется отвѣчать передъ Господомъ.

Странный отвѣтъ, въ самомъ дѣлѣ!

— Вы видѣлись съ Дугласомъ? снова спросилъ я!

— Да, благодаря портрету. Я подумалъ о томъ, что онъ отецъ дѣтей Мерритъ.

— Зачѣмъ же вы къ нему пошли?

— Зачѣмъ? Я самъ не знаю. Портретъ сильно поразилъ меня. Я увидѣлъ, что Мерритъ была счастлива. Я этого не ожидалъ. И... мнѣ хотѣлось услышать что-нибудь о ней.

— Ну, и что же, слышали?

— Когда я пришелъ—онъ спалъ. Онъ сейчасъ узналъ меня. Я поспѣшилъ его успокоить, что пришелъ не съ враждебными намѣреніями. Я сказалъ ему, что видѣлъ портретъ, который онъ носилъ съ собою, и у меня явилось желаніе узнать о матери двухъ милыхъ дѣтей, о той сіяющей счастьемъ женщинѣ, которая была снята на карточкѣ. Онъ долго, испытующе глядѣлъ на меня. Потомъ заговорилъ. Онъ сознался, что дурно со мною поступилъ. Страсть его ослѣпила. Но какое сокровище досталось ему, понялъ онъ лишь потомъ, когда легкомысліе смѣнилось сознательнымъ отношеніемъ. И онъ поклялся заслужить любовь Мерритъ, которая досталась ему, недостойному, какъ Божій даръ. Онъ могъ заявить это по чести и совѣсти: Мерритъ нашла въ немъ счастье. Онъ надѣялся, что наша встрѣча можетъ примирить насъ. Лучшимъ подаркомъ, какой онъ сможетъ сдѣлать Мерритъ, все еще вспоминающей обо мнѣ, будетъ то, если я поручу ему сообщить ей, что простилъ и его, и ее за ихъ счастье... Я былъ глубоко потрясенъ. Дугласъ забылъ, что онъ пойманъ какъ шпионъ, и забылъ о томъ, что его ожидаетъ. Мнѣ стало жаль его. Я примирился съ нимъ; послѣдніе слѣды прежней, давнишней ненависти прошли. Но я видѣлъ необходимость предупредить его. И въ разговорѣ я назвалъ его «майоромъ». Онъ странно испугался, услышавъ свой военный титулъ. Сразу онъ понялъ, что его выдало свидѣтельство въ бумажникѣ. Съ минуту сидѣлъ онъ, молча, и вдругъ тихо и жалобно сорвалось съ его губъ: «бѣдная Мерритъ!» Черезъ минуту онъ выпрямился. Онъ, видимо, рѣшился, быть готовъ ко всему. Но во мнѣ это «бѣдная Мерритъ» такъ и сжало сердце. Она, любимая, должна лишиться мужа, ея дѣти—отца! И вы знаете, что я сдѣлалъ? Я перерѣзалъ веревки, которыми былъ связанъ Дугласъ. И взявъ съ него клятву, что онъ не выдастъ своимъ ничего о насъ, вывелъ его изъ лагеря... Судите меня, какъ хотите. Я готовъ идти подъ арестъ.

Я удержалъ его за руку.

— Стойте, капитанъ. Нельзя разглашать этого дѣла; я не могу допустить, чтобы вы лишились чести передъ всѣми.

И я взялъ клочокъ бумаги, служившій уликой противъ Дугласа, и сжегъ его.

— Въ рапортѣ будетъ донесено, что фермеръ Джемсъ Дугласъ былъ отпущенъ, какъ не заслуживающій подозрѣнія. Что касается васъ капитанъ, то въ ближайшемъ сраженіи я буду рассчитывать на васъ въ критическую минуту, когда надо будетъ отбить болѣе сильнаго врага.

Съ видимою радостью онъ выслушалъ свой приговоръ.

— Благодарю васъ, полковникъ, сказалъ онъ просто.

Я долженъ былъ сдержать свое слово. Это случилось въ первый день сраженія при Чикамангъ, когда надо было, какою-бы ни пришлось цѣною, удержать стремительное наступленіе непріятеля. Я приказалъ Фальку съ его ротою ретать во главѣ полка. При первой же сшибкѣ пуля сразила его наповаль.

Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ войны, дѣла привели меня въ Чарльстонъ. Тамъ я навелъ справки о Джемсѣ Дугласѣ изъ Ралейга. Онъ невредимо вернулся домой съ войны.

Я навѣстить его. Какъ только я произнесъ имя Фалька, онъ обѣими руками сжалъ мою руку.

— Онъ живъ?

Я покачалъ головою.

— Онъ убитъ при Чикамангъ; его послѣдняя мысль была о другѣ его юности, Мерритѣ Форстерѣ.

Взволнованный, онъ отвернулся.

Меня онъ не узналъ. Я напомнилъ ему обстоятельства нашей встрѣчи.

— Вы все знаете? спросилъ онъ меня.

— Все.

Онъ повелъ меня къ женѣ и оставилъ насъ наединѣ. Мы долго говорили съ нею о Фалькѣ, но то, что онъ пошелъ на смерть изъ-за нея, я умалчалъ. Эту тайну я храню до сихъ поръ.

Критяне-инсуренты, выжидающие сигнала.—Картина Р. Катонъ Вудвилля.

Войны Бонапарта съ точки зрѣнія „пацифиста“.

Нѣкій «пацифистъ» сдѣлалъ слѣдующій арифметическій расчетецъ.

Въ войнахъ Наполеона I, великаго Наполеона, за время консульства и имперіи (1798—1815), истреблено два милліона людей.

Въ человѣкѣ содержится среднимъ числомъ $\frac{2}{3}$ ведра (5.000 граммовъ) крови.

Стало бытъ «великій человѣкъ, раздаватель славы» пролилъ за свою достославную карьеру 800.000 ведеръ крови. Это составитъ 47.000

ведеръ въ годъ, или 130 ведеръ въ сутки.

Суевѣрные люди съ ужасомъ повторяютъ сказки о вампирахъ, легенды о тиранахъ, устранявшихъ себя ванны изъ человѣческой крови.

Но тѣ же люди прославляютъ великаго Наполеона, который ежедневно выпускалъ сто тридцать ведеръ человѣческой крови.

Если бы собрать ее, онъ могъ бы не только ванны брать, но устроить себѣ бассейнъ и каждый день ку-

паться, нырять и плавать въ свѣжей человѣческой крови. Помните жертвоприношеніе Перуну въ «Рогнѣдѣ»:

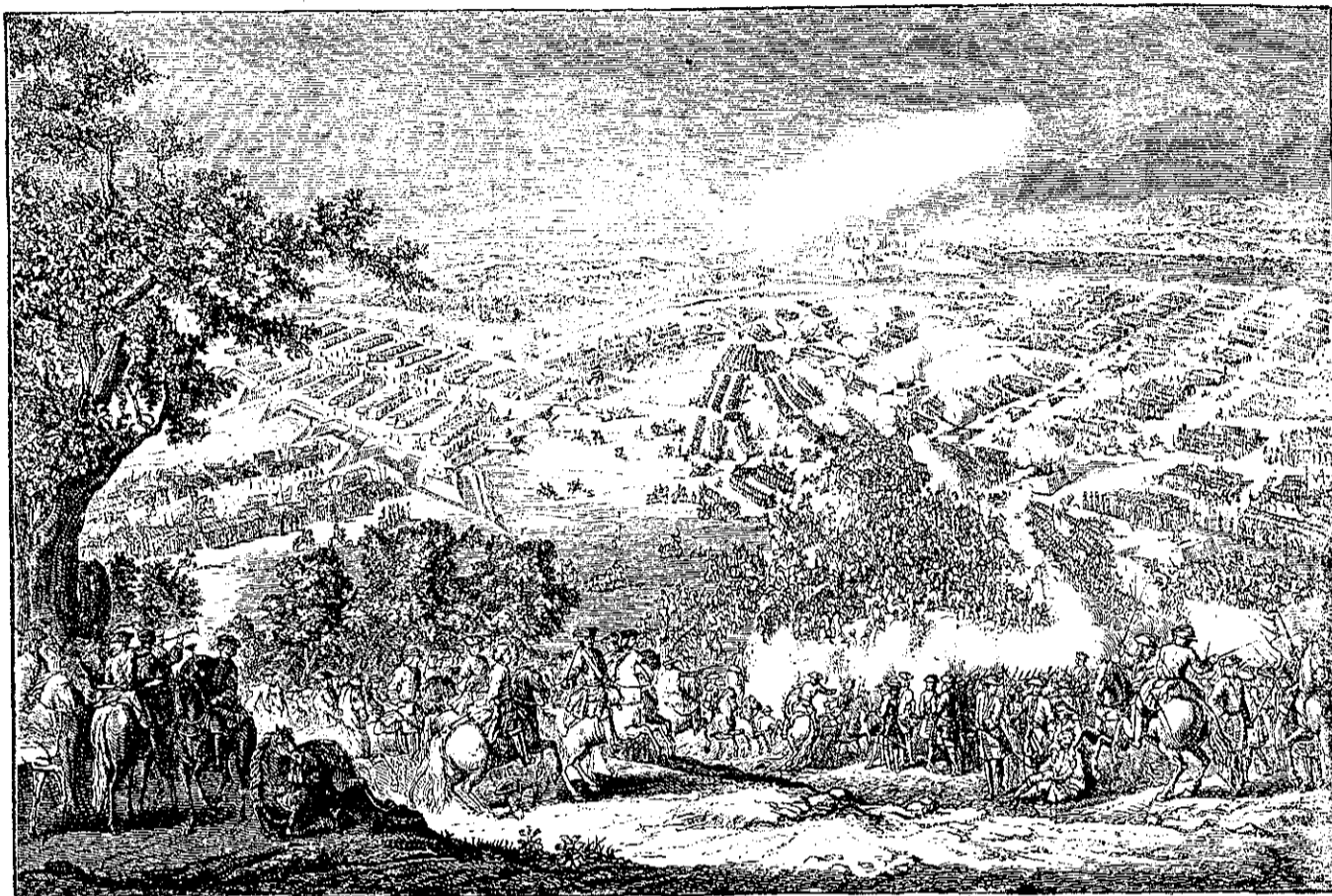
«Кровушки свѣженькой
Мы повыточимъ»...

Но что такое эти жертвы въ сравненіи съ чудовищными гекатомбами въ честь великаго корсиканца!

Замѣтьте, что войны Наполеона I не имѣли оборонительнаго характера.

Это была чистѣйшей пробы завоеватель типа Аттилы, Тамерлана, Чингисхана и т. п.

Вотъ еще маленькій расчетецъ: если мы примемъ среднюю ширину человѣческаго тѣла въ $\frac{1}{2}$ аршина, то два милліона труповъ, положен-

Полтавскій бой.—Начало сраженія.—Съ рѣдкой современной гравюры.

ные рядкомъ, займутъ пространство въ 666 верстъ.

«Звѣриное число», -- какъ видите, апокалиптическое; Мартынъ Задека могъ бы заключить отсюда, что Наполеонъ I былъ антихристъ.

Мы такого заключенія не сдѣлаемъ, но спросимъ, какими резонами можно оправдать такую бойню?

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Любопытно примѣнить вышеуказанные расчеты къ злой пародіи на Наполеона, къ кайзеру Вильгельму.

По приблизительному подсчету англичанъ кайзеръ за 1-ый годъ войны поубилъ 4 милліона человѣческихъ жизней, считая солдатъ Германіи, Австріи, Турціи и солдатъ и мирныхъ жителей странъ четвертого согласія. Получится страшная цифра въ 1.600.000 ведеръ крови за войны или 4389 ведеръ въ сутки или 182 ведра человѣческой крови въ часъ или 3 ведра въ минуту войны.

Что же касается длины труповъ -- жертвъ кайзера, то сложенные въ рядъ они займутъ пространство въ 1332 версты. Да, поистинѣ кайзеръ заслуживаетъ худшей участи, чѣмъ Наполеонъ.

СУВОРОВЪ-ПОМЪЩИКЪ.

Характеристика Суворова, какъ помѣщика, представляетъ въ высшей степени любопытную бытовую страничку изъ исторіи XVIII столѣтія.

Имѣя много деревень, Суворовъ избѣгалъ всякихъ дѣлъ въ судахъ: «юристамъ я не вѣрю, съ ними не значась, они ябедники».

Относясь съ отвращеніемъ ко всякому неправедному дѣланью, онъ по обычаю времени вынужденъ былъ прибѣгать къ взяткамъ.

Такъ, онъ пишетъ своему управляющему Матвѣичу: «Можешь подарить денегъ губернаторскому фавориту, коли хочешь, чтобы онъ дѣло наклонилъ».

Командуя дивизіей въ Кременчугѣ, Суворовъ посылаетъ распоряженія относительно обученія дворни драматическому искусству: «Васька комикомъ хорошъ, а трагикомъ лучше будетъ Никита; только должно ему поучиться выраженію... держаться надобно заданса въ стихахъ,

безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія».

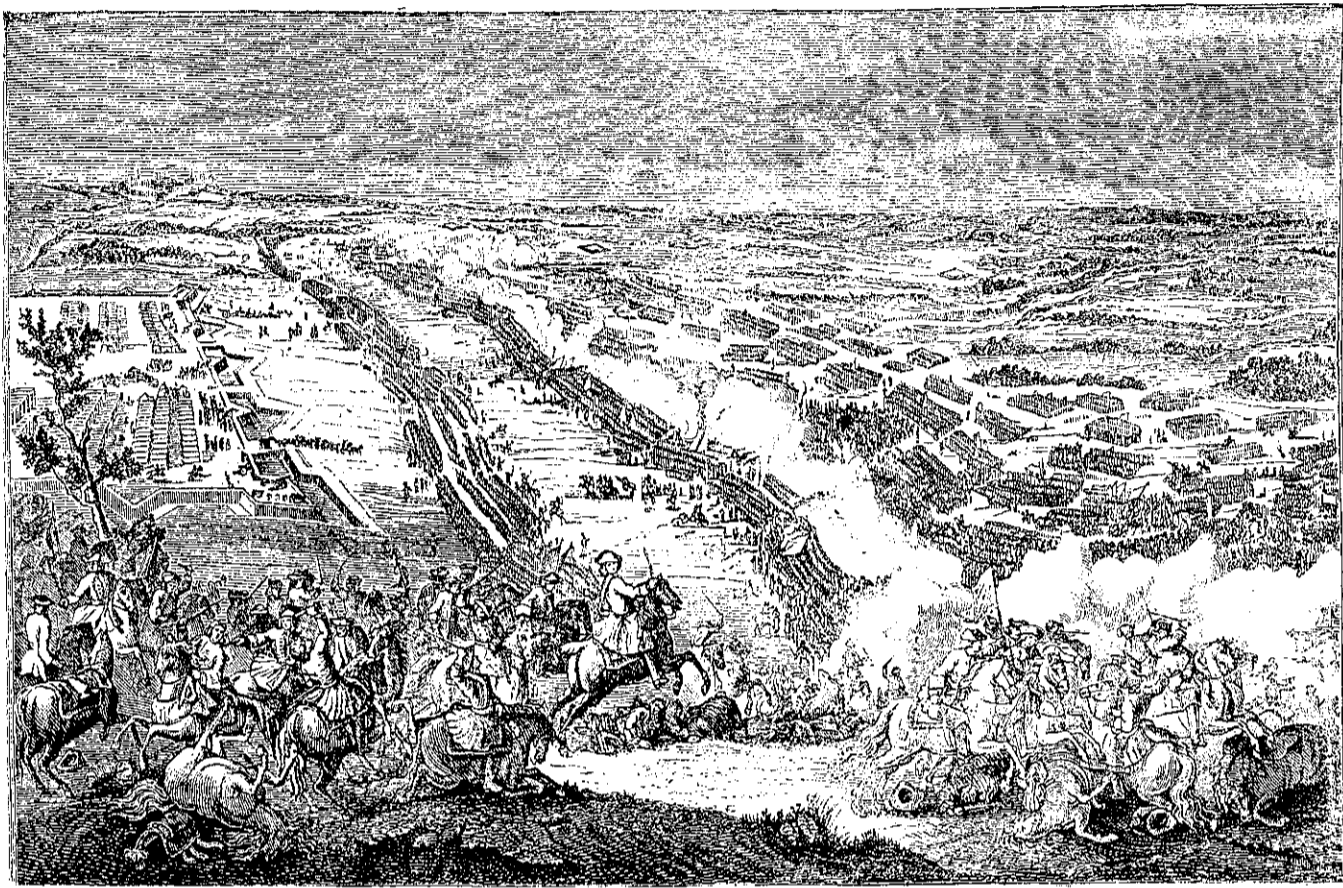
Парикмахера Алексанку онъ приказываетъ обучать исповедь французской грамматики, а четирихъ мальчиковъ, вообще, «словесному».

Суворовъ заботился о приростѣ населенія въ своихъ деревняхъ и потому воспретилъ поставлять рекрутъ натурою, а велѣлъ покупать для этого людей со стороны.

Браки поощрялъ и долго нази ними не раздумывалъ, отдавая короткій приказъ: «женить такихъ-то на такихъ-то въ такой-то срокъ»; или «дворовые парни какъ дубы выросли, купить дѣвокъ»; или «вдовцамъ такимъ-то надлежало бы первѣе всего жениться».

Иногда дѣлался выводъ дѣвницъ изъ однѣхъ вотчинъ въ другія:

«Лица не разбираю, лишь бы здоровы были. Дѣвницъ отправлять на крестьянскихъ подводахъ, безъ нарядовъ, однѣхъ за другими, какъ возятъ куръ, но очень сохранны».

Полтавскій бой. Разбитіе шведской арміи близъ Переволочны 30 іюня 1709 года.—Съ рѣдкѣй гравюры.

«Для поощренія дѣтородства» выдавалось по рублю на новорожденнаго и провіантъ.

Полякову, за многоплодіе, купле-

на и подарена хорошая господская шляпа, хозяйкъ его хоршій кокошникъ.

Прижиганіе ранъ солнечными лучами.

Американскій врачъ изъ Санъ-Франциско Тэйеръ съ большимъ успѣхомъ пользуется солнечными лучами для прижиганія злокачественныхъ ранъ. Для этой операціи онъ употребляетъ обыкновенныя двояко-выпуклыя (зажигательныя) стекла. Опыты убѣдили Тэйера въ преимуществахъ его способа, заключающихся въ томъ, что дѣйствіе сосредоточенныхъ въ фокусъ стекла солнечныхъ лучей можетъ быть удобнѣе локализовано и производимая ими боль почти тотчасъ прекращается съ удаленіемъ стекла, тогда какъ прочія разъядающія средства вызываютъ продолжительное болевое ощущеніе. По увѣренію Тэйера, прижиганія солнечными лучами, какъ было имъ замѣчено, обладаютъ свойствомъ повышать жизнеспособность органическихъ тканей и, такимъ образомъ, способствуютъ скорѣйшему заживленію ранъ.

Открытый секретъ.

Императоръ Наполеонъ I однажды обратился къ Талейрану съ слѣдующимъ вопросомъ:

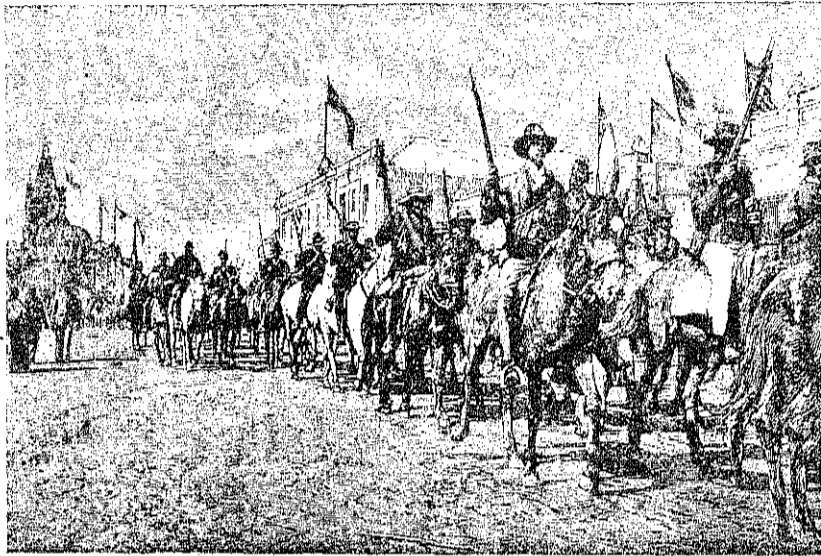
— Вы король дипломатовъ въ Европѣ, въ чемъ заключается секретъ вашей силы?

— Государь,—отвѣтилъ тотъ,— я открою вамъ свой секретъ, но въ свою очередь попрошу и васъ откровенно отвѣтить на мой вопросъ: желали бы вы сами выбирать мѣста для сраженій?

— Ну, еще бы!—воскликнулъ Наполеонъ. — Чего же лучше, если бы я могъ, напримѣръ, сказать не-пріятельскому главнокомандующему «прошу васъ немного отступить» или «прикажите своимъ войскамъ идти туда-то». Только, къ сожалѣнію, такъ не бываетъ. Но зачѣмъ вамъ это?

— То, что вы можете сдѣлать въ полѣ, сирѣчь, я всегда могу сдѣлать въ разговорѣ. Я говорю только тогда, когда мнѣ надо, никогда не отвѣчаю и не позволяю себя распрашивать. Если-жъ мнѣ и зададутъ вопросъ, я всегда сумѣю уклониться отъ прямого отвѣта. Я помню, когда я охотился, я стрѣлялъ всегда въ нѣсколькихъ шагахъ и билъ, правда, немного дичи, за то наизбѣжка, тогда какъ другіе охотники, стрѣляли издали, въ большинствѣ случаевъ пуделями. Такъ и въ разговорахъ: я не касаюсь тысячи предметовъ, неизбѣжныхъ прямого отношенія, зато и не дамъ пуделя по тому, что для меня важно.

ИЗЪ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ.

Президентъ Оранжевой республики и его свита.

КОМЕНДАНТЪ ТЕРМОНДА.

— Термондъ! Попробуйте пробраться въ Термондъ!

Я слышалъ этотъ совѣтъ со всѣхъ сторонъ, — пишетъ корреспондентъ «Information», — и, въ концѣ-концовъ, рѣшилъ послѣдовать ему, несмотря на то, что германскія власти ревниво охраняютъ доступъ къ этому городу старой Фландрии и попасть туда безъ особаго пропуска очень трудно.

Но я рѣшилъ попробовать.

Оставивъ свой экипажъ невдалекѣ отъ фландрской границы, я пѣшкомъ направился къ городу и благополучно миновалъ первый сторожевой постъ. Но возлѣ самаго Термонда меня остановилъ часовой.

— Вашъ пропускъ?

Вмѣсто пропуска я подалъ ему пять марокъ.

Онъ повергъ ихъ и вернулъ мнѣ, со словами:

— Было бы нечестно, если бы я взялъ у васъ эти деньги! Все равно, васъ остановятъ другіе часовые. Пойдемте со мной къ коменданту.

Дѣло приняло неожиданно-скверный оборотъ. Никакіе уговоры и убѣжденія не помогали... Часовой не сдавался даже на мое предложеніе повернуть немедленно же назадъ и отложить всякія попытки пробраться въ городъ.

— Пойдемте къ коменданту! — былъ единственный отвѣтъ упрямаго нѣмца.

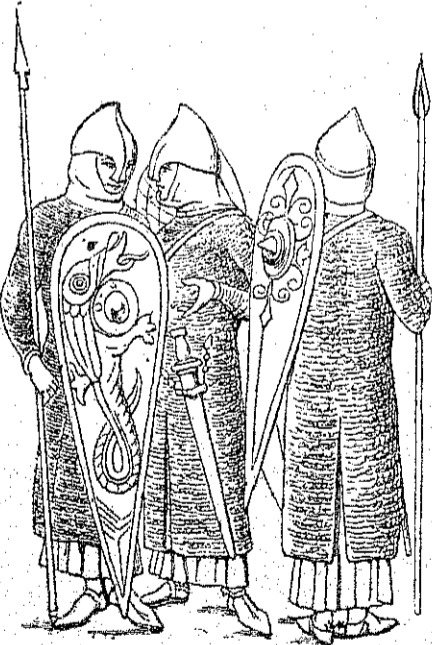
Признаюсь, мое вступленіе въ Термондъ носило довольно странный ха-

рактерь: часовой велъ меня, какъ преступника, а встрѣчные прохожіе съ состраданіемъ глядѣли мнѣ вслѣдъ и до меня доносились слова:

— Ведутъ англійскаго вѣрнаго Бѣдвика! Его участь рѣшена!

Меня привели въ комендантство, втолкнули въ пустую комнату и запер-

ИЗЪ «КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ».

Щиты съ гербами рыцарей, по наброску Вюле де-Дюка.

ли. Подъ окномъ всталъ часовой со штыкомъ.

Приблизительно черезъ часъ меня позвали на допросъ къ коменданту. Этотъ допросъ начался съ того, что меня раздѣли и подвергли тщательному обыску. Вывернули даже подкладку шапы и ботинокъ.

Обыскъ, конечно, не далъ никакихъ результатовъ.

Тогда комендантъ, въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ, заявилъ громко:

— Я утверждаю, что вы все-таки шпионъ.

Я отвѣтилъ негодующимъ тономъ:

— Ваша обязанность обыскать меня, а моя — подчиниться этому обыску, но ни въ ваши, ни въ мои обязанности не входитъ нанесеніе оскорбленій словами и выслушивание этихъ оскорбленій.

Моя неожиданная отповѣдь сбила коменданта съ толку.

Онъ заговорилъ уже совершенно другимъ тономъ, и я сталъ надѣяться, что вотъ-вотъ инцидентъ будетъ исчерпанъ, какъ вдругъ въ дѣло вмѣшался приведшій меня часовой.

— Этотъ господинъ хотѣлъ подкупить меня пятью марками.

Его признаніе, сдѣланное такъ некстати, снова чуть не погубило меня, и я едва нашелся возразить:

— Я просто-на-просто хотѣлъ убѣдиться въ неподкупности германскаго солдата и убѣдился въ этомъ блестяще.

Подумавъ немного, онъ приказалъ офицерамъ и часовому удалиться, а самъ обратился ко мнѣ съ заявленіемъ:

— Вы знаете, что за попытку подкупить часового полагается штрафъ въ сто марокъ?

Я не зналъ этого, но понялъ, въ чемъ тутъ дѣло, и между нами начался торгъ, точно на базарѣ:

— Пятьдесятъ марокъ, — предлагалъ я.

— Сто, — настаивалъ онъ.

— Сто, — это слишкомъ дорого.

— Какъ дорого? А если бы я судилъ васъ военнымъ судомъ?

— Военный судъ призналъ бы мою виновность и вы не получили бы ничего.

— Но зато вамъ пришлось бы предварительно сидѣть въ тюрьмѣ!

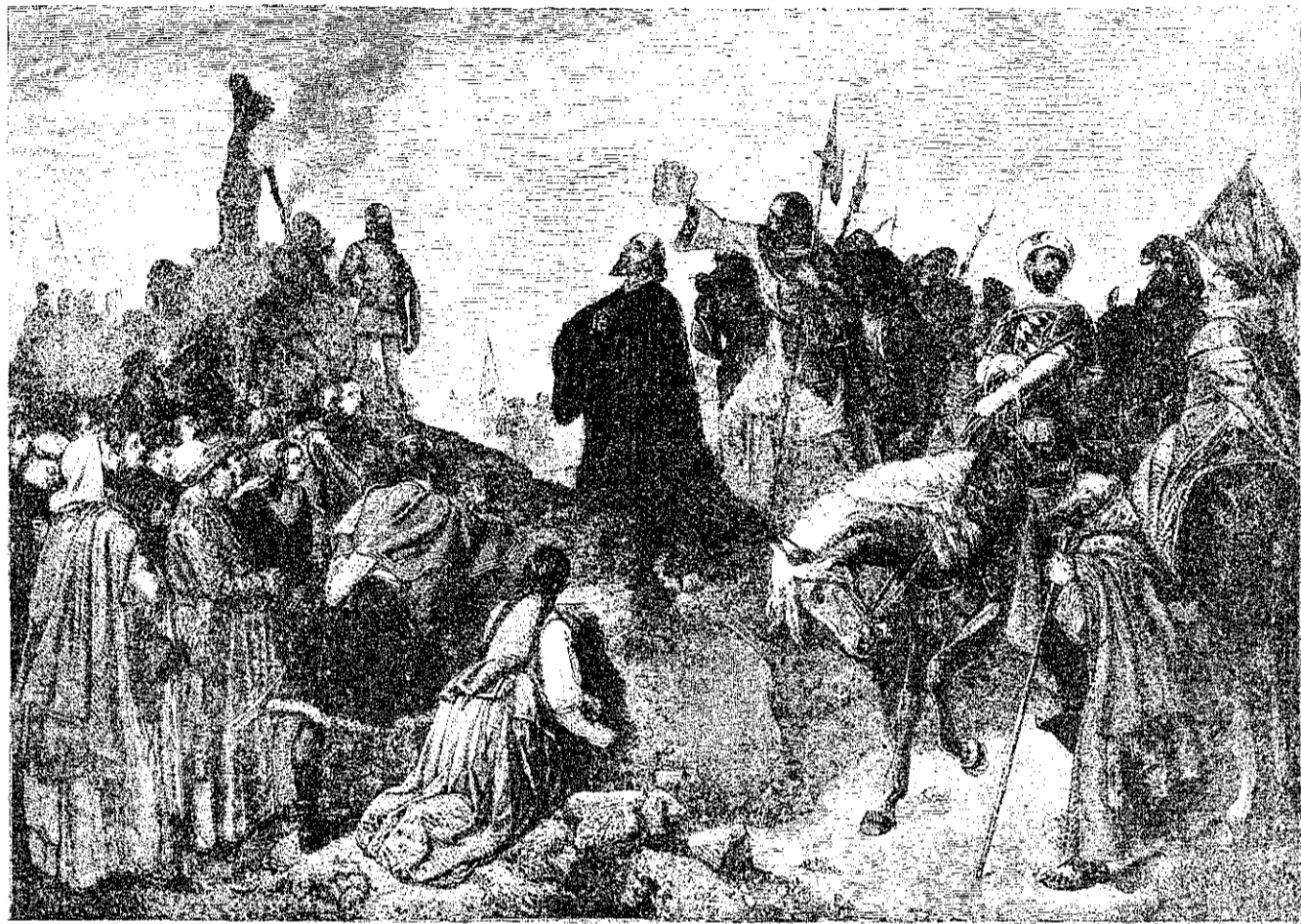
— Вотъ за то, что я не сижу въ тюрьмѣ, я и предлагаю вамъ пятьдесятъ марокъ.

Комендантъ подумалъ и согласился.

Марки перешли изъ моего бумажника въ его, подъ благовиднымъ предлогомъ штрафа.

Я былъ отпущенъ на свободу, получивъ два доказательства: неподкупность германскаго солдата и подкупность германскаго офицера.

(П. К.).

Янъ Гуссъ передъ костромъ. Съ картины профессора Лессинга.

Смерть Яна Гусса изъ Гусинца.

Величавый образъ одного изъ сильнѣйшихъ борцовъ за свободу совѣсти чеха Яна Гусса принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, всемірной исторіи. Смутно и мрачно было церковное состояніе Чехіи къ концу XIV вѣка передъ началомъ проповѣди Гусса. Созидая великое вліяніе религіи на народную нравственность Гуссъ обличалъ и прямо касался самыхъ коренныхъ вопросовъ. Нападая на католическое духовенство за небрежное исполненіе обязанностей и дурную жизнь, возстановляя во всей чистотѣ истинное значеніе церкви, Гуссъ постепенно пріобрѣлъ въ глазахъ всей Чехіи то великое значеніе, которое подняло потомъ всю страну на борьбу за казнь великаго проповѣдника. Чѣмъ болѣе возвышалось значеніе его и сила проповѣди, тѣмъ враждебнѣе становилось къ нему католическое духовенство. Наконецъ Гуссъ напалъ на самаго папу, и все духовенство встало противъ него, говоря, что «дьяволъ вселился въ гѣло сего еретика». Шла бурная и ожесточенная борьба, и осенью 1410 г. разнеслась вѣсть о созваніи собора въ Констанцѣ, гдѣ долженъ былъ быть произнесенъ верховный приговоръ надъ ученіемъ Гусса и его сторонниковъ. Переѣздъ Гусса изъ Праги въ Констанцъ былъ рядомъ торжествъ—во всѣхъ городахъ къ нему толпы выходили на встрѣчу, съ восторгомъ слушая его. Но, какъ извѣстно, судъ окончился осужденіемъ его ученія и казнью Гусса черезъ сожженіе на костре.

Послѣ мрачнаго обряда разстриженія, Гусса повели на казнь среди огромной толпы народа, съ глубокимъ сочувствіемъ относившейся къ страдальцу. Народъ волновался. «Онъ молится къ истинный праведникъ! За что эта казнь!»

Взойдя на холмъ, Гуссъ преклонилъ колѣна съ пламенной молитвой—моментъ изображенный на картинѣ. Онъ громко, среди торжественной тишины произнесъ нѣсколько молитвенныхъ псалмовъ и съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ воскликнулъ: «Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» Потомъ въ послѣдній разъ обращаясь къ народу убѣдительно просилъ не считать его еретикомъ и не вѣрить его обвинителямъ. На первомъ планѣ картины, на бѣломъ коврѣ, виденъ имперскій маршалъ Папангеймъ съ маршалскимъ жезломъ въ рукѣ, посланный королемъ Сигизмундомъ уговорить Гусса, для спасенія жизни, отречься отъ своихъ заблужденій. «Отъ какихъ заблужденій? воскликнулъ вдохновенный страдалецъ, зачѣмъ возмущаете вы миръ души моей. Я радостно иду на смерть! Я говорилъ всегда согласно съ истиной евангельской!» За Гуссомъ виденъ воинъ, надѣвающий на него бумажный колпакъ вышиною въ локоть, на которомъ нарисованы были три діавола страшнаго вида, съ надписью: «се ересіархъ». Одна старушка благоговѣнно подложила послѣднюю вязанку и Гуссъ заплѣлъ громко: «Христе, Сыне Бога живаго! Помилуй мя!» Огонь, задуваемый вѣтромъ, заглушалъ голосъ. Палачи повалили обугленный трупъ со столбомъ и разрубили его сѣкирами, чтобы скорѣе сгорѣлъ. Вѣрные чехи сгребли священную для нихъ землю, напоенную кровью мученика и съ благоговѣніемъ отвезли въ Прагу въ Вифлемскую церковь.

Такъ погибъ на 42 году отъ рожденія великій проповѣдникъ чешскаго народа въ XV вѣкѣ.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—78 ГОДА.

Героическая смерть майора Горталова въ атакъ на турецкйи редутъ при Плевнѣ.

ВО ДНИ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ.

(По запискамъ брата милосердія при нѣмецкой арміи).

Авторъ этихъ записокъ, — католическій монахъ Кобленскаго монастыря, участвовалъ въ кампаніи 1870 — 71 годовъ, какъ братъ милосердія, добровольно принявшій на себя, тяжелую обязанность ухода за ранеными въ лазаретахъ театра войны.

Ему пришлось пережить всевозможныя невзгоды лазаретной жизни въ военное время.

Какъ человекъ интеллигентный и образованный, прекрасно владѣющій французскимъ языкомъ и, благодаря этому, близко знакомившійся съ мѣстными жителями, онъ подмѣтилъ много интересныхъ сторонъ этой жизни и теперь теперь ея полное и правдивое описаніе.

Правдивость автора сквозитъ повсюду, — повсюду онъ сохраняетъ спокойный, доброжелательный тонъ по отношенію къ французамъ, а при случаѣ не щадитъ и своихъ.

Гибель на полѣ битвы многихъ тысячъ людей, полныхъ надежды и силъ безспорно проникнута ужасомъ и трагизмомъ.

Но вдали отъ сраженія, въ районѣ военного огня, въ импровизированныхъ

лазаретахъ и на перевозочныхъ пунктахъ происходитъ другая борьба, также исполненная ужаса и трагизма; здѣсь разыгрывается финалъ той мрачной трагедіи, которая начинается на полѣ сраженія.

Объ ужасахъ лазаретной жизни, въ военное время недавняго прошлаго, можно судить уже по первому приключенію, которое испыталъ авторъ тотчасъ по прибытіи въ лазаретъ, находившійся въ деревнѣ Sainte Marie.

Ему была отвелена для ночлега комната въ нижнемъ этажѣ дома, гдѣ помѣщались и больные.

Въ полночь его разбудило неприятное ощущеніе холода на лицѣ.

Оказалось, что все его лицо было покрыто какой-то вонючей жидкостью, которая, очевидно, стекла съ потолка.

Это не могъ быть дождь, потому что надъ комнатой помѣщался второй этажъ, гдѣ лежали раненые, стоны которыхъ долетали сюда.

Лонгинъ (монашеское имя автора) зажегъ свѣчу и увидѣлъ, что эта жидкость была ни что иное, какъ гной.

Впоследствии оказалось, что какъ разъ надъ его кроватью лежалъ бран-

денбургскій солдатъ съ прострѣленнымъ бедромъ, изъ котораго по ночамъ струились ильме потоки крови и гноя.

У Лонгина не было даже воды, чтобы умыться, и онъ долженъ былъ терпѣливо ожидать утра.

Воспоминанія Лонгина еще разъ подтверждаютъ ту истину, что, какъ бы строго ни была проведена централизація управленія во время войны и, какими бы высокими степенями ни задавались высшія власти, дѣло будетъ все-таки тормазиться, если не будетъ «людей»; т. е. если низшіе, подчиненные органы не будутъ проникнуты сознаніемъ своихъ обязанностей и важности своей задачи.

Главный нѣмецкій врачъ чрезвычайно обрадовался прибытію братьевъ милосердія, на которыхъ онъ могъ, наконецъ, положиться.

— У меня къ вамъ есть покорѣннѣе просьба, — сказалъ онъ. — Возьмите съ свои руки завѣдываніе складомъ пожертвованій и распредѣляйте ихъ между лазаретами по своему усмотрѣнію. До сихъ поръ складомъ завѣдывалъ смотритель; но долѣе я не могу этого оставить, потому что... ну, потому что у него и безъ того много дѣла... Видите-ли, братъ, — откровенно признался врачъ, — вѣдь пожертвованія я считаю собственностью нации, которая мнѣ ихъ только доверила. Я не хочу, чтобы послѣ войны мое имя топтали въ грязь и говорили: лазаретъ д-ра Ст. получилъ столько-то пожертвованій, но больнымъ ничего не досталось. Я хочу, чтобы пожертвованія распредѣлялись добросовѣстно, согласно потребностямъ больныхъ, а не съѣдались и вымывались смотрителемъ, надзирателемъ, сторожами и прочими. Но въ этомъ я могу быть увѣренъ только тогда, если складъ перейдетъ въ ваши руки.

Этотъ смотритель, съ которымъ не мало возникли «братья» впоследствии, являлся первымъ образчикомъ чиновника, далеко не сознающаго своихъ обязанностей. Въ тотъ же день имъ пришлось познакомиться и съ другими подобными же личностями.

Главный врачъ повелъ ихъ въ тифозное отдѣленіе, чтобы представить ихъ обонимъ младшимъ врачамъ. Последніе въ это время совершали свою визитацію. Они успѣли сдѣлать нѣчто въ родѣ привѣтливой улыбки, хотя новоприбывшіе были имъ вовсе не по сердцу; но за плечами братьевъ стоялъ всемогущій и грозный главный врачъ, который не только далъ имъ въ присутствіи врачей полную власть распоряжаться въ лазаретѣ, но и просилъ ихъ при всѣхъ затрудненіяхъ обращаться непосредственно къ нему.

По уходъ главнаго врача, одинъ изъ младшихъ врачей пожелалъ выказати свою власть.

— И такъ, господа; вы принимаете въ свое завѣдываніе лазаретъ. Поэтому вы будете отвѣчать за все, что здѣсь случится. Поняли?

— Такъ точно, г. докторъ.

— Если что-нибудь окажется не въ порядкѣ, я буду взыскивать съ васъ. Вы должны заботиться о чистотѣ, потому что я терпѣть не могу грязи. Вы должны заботиться о томъ, чтобы больные во-время получали лекарство. Поняли?

— Такъ точно, г. докторъ.

— Ну вотъ. замѣтите, кромѣ того, господа, что я требую повиновенія безусловно; такъ какъ вы добровольно приняли на себя обязанность ухаживать за ранеными, то я долженъ поставить вамъ это на видъ. Если это вамъ не нравится, то вы могли оставаться дома... Здорово, ребята!

Послѣднее привѣтствіе относилось къ больнымъ солдатамъ, которые лежали вокругъ и были свидѣтелями всей этой сцены. Но едва только врачи удалились, какъ солдаты разсмѣялись, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Вы не бойтесь ихъ, братья. Они только и знаютъ, что кричать, а дѣла не дѣлаютъ никакого. Они совсѣмъ не смотрятъ за нами.

Солдатъ былъ совершенно правъ.

Вскорѣ братья убѣдились, что такими же отрицательными чертами, т. е., халатностью или прямою недобросовѣстностью, отличались и нѣкоторые изъ низшихъ служащихъ. Больные солдаты, почувствовавшіе полное довѣріе къ братьямъ, рассказали имъ, какъ много имъ приходилось страдать отъ лазаретнаго служителя, грубаго, злого унтеръ-офицера. Онъ никогда не давалъ имъ пить, постоянно ругалъ ихъ, а нѣкоторыхъ даже билъ.

Братьямъ милосердія здѣсь предстояла, такимъ образомъ, въ высшей степени благодарная задача. Помимо всего, положеніе лазарета было самое ужасное. Только двадцать, изъ числа наиболѣе тяжкихъ больныхъ, были помѣщены въ двухъ смежныхъ крестьянскихъ домахъ. Тридцать опасныхъ больныхъ лежали на сѣновалѣ, крытомъ сверху тонкими дощечками. Положеніе этихъ было сравнительно сносно: по крайней мѣрѣ, у нихъ были кровати и соломенные тюфяки. Но остальные тридцать больныхъ лежали прямо на землѣ въ сараѣ, куда свободно заходилъ вѣтеръ и затекалъ дождь. Для нихъ не было ни кроватей, ни тюфяковъ; день и ночь они лежали, одѣтые, на подгнившей, запачканной грязью и кровью соломѣ; по-

«Битва при Рокруа въ 1643г.» Съ карт. Лионель-Ройэ.

Битва между испанцами и французами при Рокруа произошла 19-го мая 1643 года. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ этой кровавой рѣзни передаетъ настоящая картина, воспроизводя передъ зрителями тотъ моментъ, когда больной подагрой Фуэнтесъ, «несомый вѣрными слугами», появляется среди рядовъ воинственныхъ дружинъ. Онъ сдержалъ данное имъ слово, обѣщая непременно присутствовать среди боя, хотя бы силы не позволили ему появиться ни на конѣ, ни пѣшкомъ. Онъ былъ убитъ въ этомъ сраженіи, которое окончилось блистательною побѣдою французовъ. Великій Конде, предводительствовавшій французскими войсками, узнавъ о геройской смерти Фуэнтеса, воскликнулъ, что если бы онъ не побѣдилъ, то онъ хотѣлъ бы умереть такъ, какъ умеръ Фуэнтесъ.

душкой имъ служилъ твердый ранецъ; единственное, что удалось для нихъ найти, это — шерстяныя одѣяла. Вдобавокъ, всѣ они страдали сильнѣйшимъ кровавымъ поносомъ, сопровождавшимся жестокими болями и безпрестанной потерей крови. Между тѣмъ, для нечистоты не было вблизи никакихъ приспособленій, никакой посуды, ника-

кой ямы, — рѣшительно ничего. И эти несчастные, едва имѣвшіе силы приподняться, должны были при каждомъ припадкѣ болѣзни выходить изъ сарая и, несмотря на проливной дождь или ледяной холодъ, плестись въ довольно далеко расположенный садъ. Многимъ это, конечно, оказывалось не подъ силу; и потому весь полъ сарая и земля во-

кругъ него были покрыты кровяными лужами. Можно себѣ представить, какой былъ въ этомъ сараѣ запахъ! Нѣкоторые изъ больныхъ не могли оставаться въ платьѣ, навозъ пропитанномъ кровью и грязью, и лежали на соломѣ въ одной рубахѣ или одной шинели; кутаясь въ шерстяное одеяло.

А оба младшихъ врача, надзиратель, весь низшій персоналъ хладнокровно смотрѣли на все это, не пробуя ударить пальцемъ о палецъ. Правда, младшій врачъ каждое утро просовывалъ голову въ дверь и кричалъ:

— Здорово, ребята! Хорошо спали? Завтракали? Ну, отлично!

И не обращая ни малѣйшаго вниманія на стоны и жалобы несчастныхъ людей, не прописавъ имъ даже никакого лекарства, онъ убѣгалъ домой. Три раза въ день больнымъ приносили пищу. Но что это была за пища. Утромъ — черный кофе безъ молока и къ нему — черный, часто заплѣснѣлый хлѣбъ. Мало кто рѣшался пробовать эту черную бур-

ду; нѣкоторые заставляли себя выпить, чтобы принять внутрь что-нибудь теплое, но почти всегда сейчасъ же получали рвоту. Къ хлѣбу не прикасался никто, такъ какъ знали по опыту; что онъ немедленно вызоветъ жестокия боли. Обѣдъ былъ нѣсколько лучше: немного бульона и кусокъ говядины. Вечеромъ — какая-то водянистая похлебка. При такого рода пищѣ нельзя было не только выздороветь, но и вообще жить.

Первой заботой братьевъ было поэтому улучшить питаніе больныхъ. Нельзя-ли достать молока? Имъ отвѣчали: нѣтъ! Лазаретная кухня доставляетъ лишь предписанную пищу. Молока же нельзя достать ни за какія деньги, такъ какъ въ деревнѣ нѣтъ коровъ. Получая отовсюду одинъ и тотъ же отвѣтъ, братья милосердія должны были этому повѣрить. Но однажды больной солдатъ, корчась въ ужасныхъ мукахъ, закричалъ:

— Ради Бога, братъ, дайте мнѣ хоть каплю теплаго молока!

Лонгинъ побѣжалъ въ деревню, рѣшившись во что бы то ни стало раздобыть немного молока. Не сдѣлавъ онъ и нѣсколько шаговъ, какъ наткнулся на лазаретнаго служителя, несшаго горшокъ съ молокомъ.

— Для кого это молоко? — спросилъ братъ.

— Для меня, — нагло отвѣтилъ служитель.

— Вотъ какъ! Гдѣ же вы его взяли?

— Вонъ въ томъ домѣ.

— Ага! — подумалъ братъ про себя. — Значитъ, дѣло не такъ ужъ безнадежно. — и направился къ указанному дому. На порогѣ онъ сталкивается съ солдатомъ, который также несетъ горшокъ, полный молока.

— Для кого это?

— Для г. младшаго врача!

— Сколько разъ вы берете здѣсь молоко?

— Два раза въ день, братъ, — утромъ и вечеромъ для кофе.

— И сколько это стоитъ?

— Два су за горшокъ.

Лонгинъ вошелъ въ домъ и предложилъ хозяйкѣ пятью сангимами дорожке, чѣмъ платилъ младшій врачъ. Она не дала себя долго уговаривать.

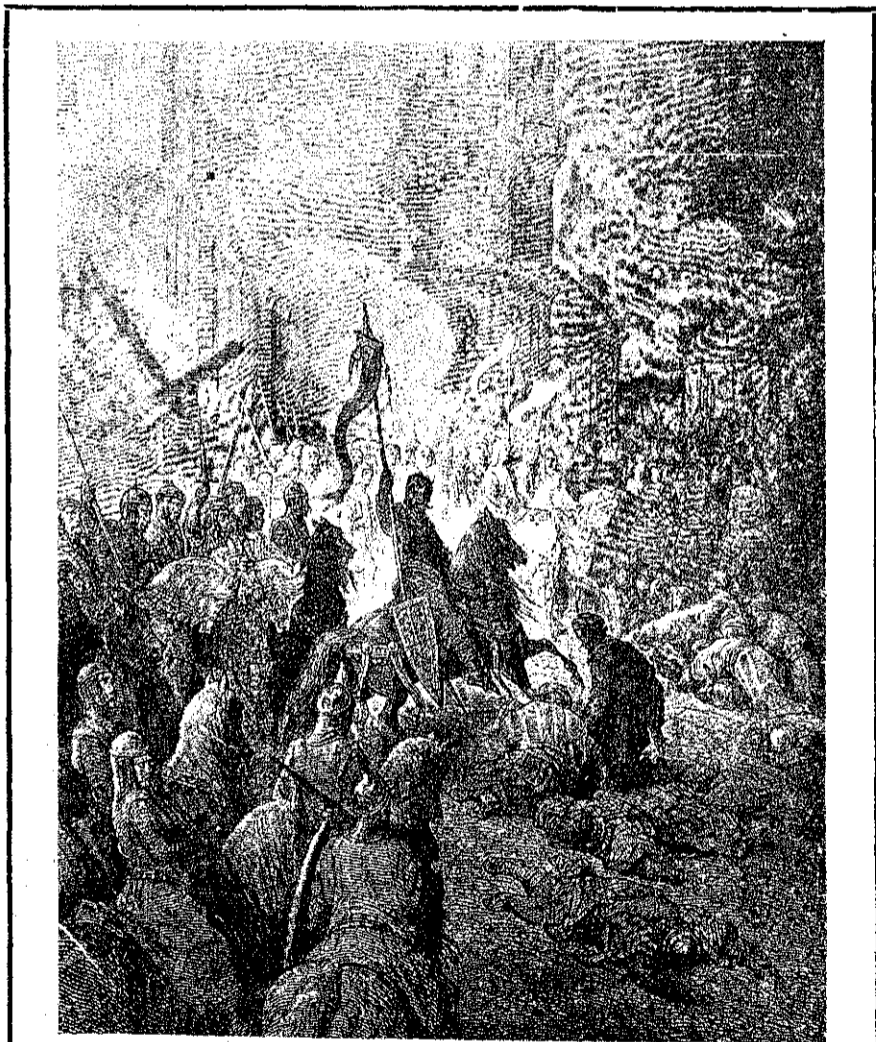
Для вышшей убѣдительности Лонгинъ сунулъ ей подъ носъ пятифранковикъ и немедленно получилъ три кружки молока.

— А теперь, — сказалъ онъ, — поставьте, пожалуйста, молоко на огонь и нагрейте. Я черезъ полчаса приду за нимъ.

Отсюда онъ направился въ слѣдующій домъ, гдѣ произошло тоже самое. Онъ не обошелъ и половины деревни, какъ обезпечилъ себѣ отъ 12 до 15 кувшиновъ молока, которое не только ежедневно доставлялось французскими крестьянами въ лазаретъ, но предварительно ими кипятилось. Когда Лонгинъ полчаса спустя возвратился въ лазаретъ съ кувшиномъ горячаго молока, восторгу и радости не было конца.

Точно также стараніями братьевъ больные стали получать, вмѣсто чернаго хлѣба, хорошо выпеченные сухари; а выздоравливающимъ давали бѣлую булку. Когда складъ пожертвованій поступилъ въ завѣдываніе одного изъ братьевъ, въ лазаретъ появилось и вино, котораго до сихъ поръ больные не видѣли ни капли.

Сдача смотрителемъ склада не обошлась, разумѣется, безъ инцидента. Къ нему два раза являлся братъ, въ завѣдываніе котораго складъ долженъ былъ поступить, но въ первый разъ смотритель отвѣтилъ, что ему некогда; а во второй — заявилъ, что ему братъ не нуженъ.

Крестовые походы. Вступленіе крестоносцевъ въ Константинополь.

Взятіє въ плѣнь казаками генерала Тышкевича, начальника дивизіи наполеоновской арміи, въ 1812 году.—
Картина В. Коссака.

Однажды, когда Лонгинъ, по обыкновению; былъ съ докладомъ у главнаго врача, онъ жаловался ему на отсутствіе въ лазаретѣ многихъ необходимыхъ вещей: метлы, тряпокъ; стакановъ; ложекъ; ножей и пр.

— Я такъ и зналъ, — воскликнулъ главный врачъ; — докторъ Н. ни о чемъ не заботится. Но этому необходимо положить конецъ. Идите къ смотрителю и требуйте отъ него все, что вамъ нужно; да скажите; что я васъ послалъ. Или нѣтъ, я дамъ вамъ лучшее письменное предписаніе для того, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ отговорокъ.

Онъ написалъ предписаніе, а затѣмъ спросилъ:

— Кстати, братъ, какъ обстоитъ дѣло съ складомъ?

Лонгинъ рассказалъ ему все.

Главный врачъ вышелъ изъ себя и велѣлъ немедленно призвать смотрителя.

— Почему вы не сдали до сихъ поръ склада? — накинулся онъ на смотрителя, когда тотъ пришелъ.

— Извините, г. докторъ; я еще не имѣлъ времени.

— Потрудитесь сію же минуту найти для этого время! Принесите ключи, я буду присутствовать при сдачѣ.

Вотъ какихъ усилій стоило добиться, чтобы смотритель выпустилъ изъ своихъ рукъ выгодное мѣсто завѣдующаго складомъ пожертвованій. Понятно, что онъ не могъ простить этого брату, и послѣднимъ приходилось чуть-ли не вымаливать у него всякую вещь,

въ которой возникала надобность, напр., шерстяныя одѣяла; пустые мѣшки для постелей, бѣлье.

Съ первыхъ же дней прибытія братьевъ въ Сентъ-Мари, ихъ стали приглашать къ себѣ заболѣвшіе французы. Своего доктора деревня не имѣла, а пригласить къ себѣ un docteur prussien (пруссака доктора) крестьяне не рѣшались. Большинство обращающихся за помощью, страдало кровавымъ поносомъ. Сначала братья не обращали на это особеннаго вниманія и ограничивались тѣмъ, что давали нѣсколько капель опія и немного вина. Но съ теченіемъ времени число этихъ заболѣваній настолько увеличилось; что братья сочли нужнымъ доложить объ этомъ главному врачу.

— Г. докторъ, всѣ колодези отравлены!

— Отравлены? Чѣмъ?

— Трупнымъ ядомъ изъ соседнихъ общинъ могилъ!

— Боже мой! Вотъ такъ исторія! Тутъ ничего не остается, какъ закрыть колодези. Иначе вся деревня заболѣетъ, не исключая и насъ. Позовите брат!

Братъ Лонгинъ тотчасъ явился, и докторъ сообщилъ ему въ чемъ дѣло. Отравленіе колодезей объяснялось очень просто. Недалеко отъ деревни находилось поле Saint-Privat, гдѣ 18 августа произошло кровопролитное сраженіе. Тысячи труповъ были похоронены въ общинныхъ могилахъ вокругъ деревни, для нѣкоторыхъ были вырыты могилы даже въ предѣлахъ деревен-

скихъ садовъ и дворовъ. Послѣ продолжительныхъ осеннихъ дождей въ могилахъ собралось много воды, которая, напитавшись продуктами трупнаго разложенія, просочилась отсюда въ колодези.

— Братъ, — сказалъ главный врачъ, — мы должны немедленно составить воззваніе къ жителямъ деревни, и вы переведете его на французскій языкъ. Пишите!

И онъ сталъ диктовать. Лонгинъ написалъ, затѣмъ перевелъ на французскій языкъ, и черезъ полчаса воззваніе было готово. Въ деревнѣ не было, конечно, типографіи, не было также и пишущая съ колодеземъ, а потому опубликованіе воззванія было произведено черезъ мѣстнаго мэра. Послѣдній самолично прошелъ по всѣмъ улицамъ, въ сопровожденіи прислужника, который несъ лезвіе косы и большой ключъ; на каждомъ перекресткѣ прислужникъ произволилъ при помощи этихъ орудій бить въ родѣ звона, при звукѣ котораго крестьяне выходили за ворота. Тутъ мэръ читалъ имъ воззваніе. Кроме нѣкоторыхъ общинныхъ совѣтовъ относительно соблюденія чистоты и пр., въ воззваніи содержалось приказаніе о каждомъ новомъ случаѣ поноса, немедленно докладывать въ квартиру врача; въ заключеніе объявлялось строгое запрещеніе употреблять колодезную воду въ сыромъ видѣ.

ГОРДЕВЪ УЗЕЛЪ.

КОРОНОВАННЫЙ АКТЕРЪ: Въ роли Наполеона меня освистали, попробую сыграть роль Александра Македонскаго!

▽▽▽
Требуйте у всѣхъ газетчиковъ и на станціяхъ жел. дор. **„20-й ВѢКЪ“** РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, КАРТИНЫ и РИСУНКИ **ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ**
Корреспонденціи съ театра войны. Цѣна 6 коп.